

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра истории России и археологии

**Реминисценции раннеродовых отношений в древней мифопоэтике
индоевропейцев**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 411 группы
направления 46.03.01 «История»
Института истории и международных отношений
Гладилиной Алеси Александровны

Научный руководитель

доцент, кандидат исторических наук _____ В. А. Лопатин
подпись, дата

Зав. кафедрой

Профессор, доктор исторических наук _____ С. А. Мезин
подпись, дата

Саратов 2022

Введение

Актуальность темы. С древнейших времён люди находили в космических и природных процессах безусловную гармонию мужского и женского начал, где мужская энергия заключена в идее оплодотворения, а женская олицетворяет зарождение и созидание. Эти первозданные формулировки должны быть соединены в высшей реальности, однако зачастую именно женское начало занимало первенствующую позицию в вопросах архаичной космогонии, богини часто выступали в качестве мирозидательного космического начала, что ставило их в доминирующее положение во многих древнейших религиозно-мифологических системах.

Архетипические образы всегда сопровождали человека, они являются источником мифологии, религии, искусства. Если обратиться к мифологии, то мы увидим, что одним из главных символов является женщина – женщина-мать, женщина-прародительница. Практически во всех уголках мира женские божества превозносились как целительницы, создательницы природы, подательницы жизни.

Вопрос о происхождении данного архетипа представляется сложным и неоднозначным. По-видимому, из общего представления о материнском начале, любви и самопожертвовании рождается сам облик Великой Матери, а в материнской символике раскрывается её невидимая власть над миром и человеком.

Исходя из этого можно сделать вывод, что границы понимания архетипичного женского образа довольно размыты, что становится препятствием на пути его дальнейшего изучения. Однако, важным итогом научных исследований в конце XX в. является то, что образ богини связывается с древним мировоззрением и пониманием ее как порождающего начала, положенного в основу древнего мироосмысления. Нет никаких сомнений в том, что подобные исследования на современном уровне развития исторической науки весьма *актуальны*. Более того, на фоне многих древнейших нарративов, ввиду давно ставшей остропроблемной темы

индоевропейстики, возвышается один из древнейших литературных памятников, созданный индоариями, – *Ригведа*, хранящая в себе самые различные женские образы, которые далеко не всегда бывают связаны с материнским архетипом.

Ригведа представляет собой чрезвычайно сложный и зашифрованный временем код сокровенных знаний ариев. Эти священные гимны хранят в своей традиционной ритуалистике бесчисленное множество обломков мифов, в которых скрытым планом присутствует реальная история древних скотоводческих племен, бывших предками всех современных ираноязычных народов – индусов, персов, пуштунов, белуджей, курдов, осетин, цыган, таджиков. В мире Ригведы действуют боги многочисленного политеистического пантеона. Их характеристики загадочны и порой категорически необъяснимы. И вместе с тем, отдельные черты этих небожителей, иногда не связанные с основным контекстом образов, бывают просты и приземлённо человечны, боги антропоморфны, их окружают обычные вещи, привычные в мире людей.

Из всего этого сонма в представленной работе будут фигурировать несколько категорий божеств – *женские божественные персоналии и их спутники*, которым в Ригведе посвящено множество гимнов. Совершенно различным образам божеств будет сделана попытка дать широкую интерпретацию, также будет проведен семантико-семиотический анализ и, по возможности, сопоставление с общими археологическими данными в контексте культурно-исторической идентификации. Этот выбор не случаен, образы женских божеств представляются в большей степени плодотворными по сравнению с прочими персонажами Ригведы именно в плане выявления исторических корней данного явления в арийском пантеоне, что квалифицируется как *новизна* исследовательского подхода. При всех священных характеристиках многих женских персоналий Ригведы, обращает на себя внимание наибольшее количество свойственных им эпитетов и атрибутов, связанных с реалиями героического периода вполне земной жизни.

Подобные черты характерны только для конкретных богинь ригведийского пантеона, большинство других действующих лиц их не имеют.

В соответствии с этим, *цель* представленной выпускной квалификационной работы заключается в попытке проследить генезис ключевых женских персоналий на основе системного анализа эпитетов и атрибутики, применяемых к ним в гимнах Ригведы. Под генезисом в данном случае подразумевается диалектическое движение литературного образа от реальных исторических персонажей (матерей, жён, сестёр, военных подруг) к индивидуальным и очень почитаемым женским божествам совершенно разных типов, с прохождением универсального, во всех идеологических системах, этапа зоолатрических персонификаций, сохраняемых исторической памятью.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих *оперативных задач*:

– представить краткие характеристики основного источника (Ригведа), а также более поздних дериват-ответвлений ведической и индоевропейской литературы (Атхарваведа, Махабхарата, Авеста, Нартский эпос).

– показать значимость исследования женских божеств в общем историографическом обзоре по известным публикациям;

– выделить в первоисточнике и провести систематизацию всех эпитетов и атрибутов ключевых женских персоналий;

– по результатам систематизации дать характеристику множественностям персонификаций, отражающим процесс становления и развития образов ригведийских богинь;

– представить модель динамики образа женских божеств в историческом диапазоне становления, трансформации и многослойной фиксации Ригведы, а также найти параллели этим образам в более поздних дериват-ответвлениях индоевропейских эпосов.

В связи с этим, *методологическую базу* исследования составили общенаучные принципы исторического познания. Основными из них

являются принцип историзма, требующий рассмотрения исторического явления в развитии, и принцип целостности, предполагающий выяснение причинно-следственных связей в системе взаимосвязанных элементов. Получение результатов обеспечивалось применением таких методов, как сравнительный, хронологический, синхронный и описательный. Важно отметить, что в чрезвычайно сложной работе с древними текстами реальным подходом, соответствующим решению оперативных задач исследования, представляется *структурный анализ микросрезов*. В использовании такого метода эффективным инструментарием исследования являются не полные гимны, как правило, абстрактно ритуальные, а отдельные имена, эпитеты, атрибуты персонажей, персонифицированные фрагменты героико-мифологических повествований, обиходные диалоги и прочие сведения, соответствующие выполнению поставленных целей и задач.

В работе с текстами Ригведы основой методики является систематизация эпитетов, посвященных тем или иным персонажам, и тщательный структурный анализ отобранного материала. Метод микросрезов предполагает сплошное и очень внимательное прочтение первоисточника и отбор эпитетов, которые, как правило, сопровождаются различными уточняющими аранжировками, в основном, комментирующими реальную атрибутику. Такой отбор позволяет выявить частоту их встречаемости и принадлежности к конкретной мандале. Последнее принципиально важно, поскольку качественные характеристики всех персонажей Ригведы не постоянны, и в более поздних гимнах они отличаются от первоначальных архаичных трактовок. Вот почему в данной систематизации приемлем только метод микросреза.

Хронологические рамки рассматриваемых вопросов соответствуют времени эпохи поздней бронзы и началу раннего железного века, они могут быть определены XVIII–VIII вв. до н.э., но, учитывая глубину некоторых генетических и культууроформирующих векторов устной фазы в развитии свода гимнов Ригведы, представляется логичным избрать гибкий вариант

terminus post quem, и обращаться также к материалам рубежа III–II тыс. до н.э. Кроме того, при анализе прочих источников (Нартский эпос) terminus ante quem дискретно переносится в интервалах VIII в. до н.э. – IV в. н.э.

Географический ареал рассматриваемой проблематики определяется неоднозначной концептуальностью в решении ключевых вопросов, поэтому он весьма широк. Территории, где действовали прообразы и воплощения ведических богов – это степная и лесостепная Евразия (Подонье, Предкавказье, Нижнее Поволжье, Приуралье, Северный Казахстан), Средняя Азия, Передний Восток, Иранское нагорье, Северный Индостан.

Источниковая база представленного исследования по объективным признакам состоит из произведений письменной традиции.

К ним относятся известные нарративы, где основным является академическое трехтомное издание Ригvedы под редакцией отечественного филолога и востоковеда П.А. Гринцера, подготовленное и прокомментированное Т.Я. Елизаренковой¹, выдающимся российским индологом и лингвистом, а прочие рассматриваются как вспомогательные. К таковым следует отнести трехтомное издание Атхарваvedы под редакцией Г.М. Бонгард-Левина, также подготовленное и прокомментированное Т.Я. Елизаренковой², репринтное воспроизведение академического издания первых трёх книг Махабхараты, переведенной с санскрита и прокомментированной советским индологом В.И. Кальяновым³,

¹Ригведа. Мандалы I–IV / под ред. П.А. Гринцера. – 2-е изд., испр. – М., 1999. – 767 с.; Ригведа. Мандалы V–VIII / под ред. П.А. Гринцера. – 2-е изд., испр. – М., 1999. – 743 с.; Ригведа. Мандалы IX–X / под ред. П.А. Гринцера. – 2-е изд., испр. – М., 1999. – 559 с.

²Атхарваведы (Шаунака). Книги I – VII / под ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М., 2005. – 573 с.; Атхарваведы (Шаунака). Книги VIII–XII / под ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М., 2007. – 293 с.; Атхарваведы (Шаунака). Книги XIII–XIX / под ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М., 2010. – 231 с.

³Махабхарата. Книга I: Адипарва / под ред. А.П. Баранникова. – СПб., 2006. – 737 с.; Махабхарата. Книга II: Сабхапарва (Книга о собрании) / под ред. А.П. Баранникова. – СПб., 2007. – 251 с.; Махабхарата. Книга III: Араньякапарва (Лесная книга) / под ред. М.Н. Боголюбова. – М., 2013. – 800 с.

издание Авесты в переводе В.С. Соколовой⁴, издание Нартского эпоса, состоящего из трех книг⁵, в переводе А.А. Дзантиева и Т.А. Хамицаевой.

Степень изученности проблемы. Женский вопрос занимает важное место в академических исследованиях в рамках антропологии, этнологии, истории, психологии, философии, культурологии и т. д. На рубеже XVIII и XIX вв. эта проблематика привлекла целый ряд историков, как в России, так и на Западе. С возникновением теории матриархата ученые по-новому осмыслили место и роль женщины в истории. Теория матриархата не была принята и подверглась критике, как в западной, так и в советской историографии. В середине XX в. тема матриархата поднимается и в западноевропейской науке во многом благодаря распространению учения К. Юнга об архетипах. Целая плеяда ученых обратилась к изучению богинь через мифологию, где прослеживаются древнейшие представления о природе и обществе, о вселенной, о великих матерях природы. Исследуя особенности женского начала, изучая роль женщины в различных областях жизни общества, они проявили значительный интерес к судьбе женщины. В историографии вопросы о роли *богинь* в различных мифологических системах оставались предметом споров и дискуссий для советских исследователей и представляют значительный интерес для современных ученых.

Структура работы определяется поставленной целью и задачами. Она состоит из введения, основной части, которая делится на три главы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

Основное содержание работы

Первая глава работы «Характеристика источников и исследований», представляющая собой состояние проблематики и степень разработанности ее отдельных положений, делится на два подраздела.

⁴Авеста / под ред. И.А. Смирновой. – СПб., 2005. – 541 с.

⁵Нарты. Осетинский героический эпос: в 3 т. Т.2. / под ред. Р.Ф. Мажокиной. – М., 1990. – 499 с.

Первый подраздел «Характеристика источников» включает в себя подробное рассмотрение известных индоевропейских нарративов, на которых базируется данная бакалаврская работа. К ним относятся такие письменные источники, как Ригведа, Атхарваведа, Махабхарата, Авеста и Нартский эпос.

Второй подраздел первой главы называется «Характеристика исследований» и представляет собой обзор историографической базы представленной дипломной работы. Историографический обзор условно подразделяется на общие исследования истории, культуры и мифологии индоариев, и конкретные узконаправленные исследования, касающиеся категории *женских божеств*, гендерных представлений ведических ариев и офантазированных женских персонажей Ригведы.

Вторая глава дипломной работы «Эпитеты женских божеств в гимнах Ригведы» делится на два подраздела и имеет аналитический характер.

Первый подраздел, под названием «Систематизация эпитетов, посвященных богиням Ригведы» базируется на системном анализе. Этот анализ строится на основе методики микросрезов, когда семантически выделяются наиболее важные текстовые фрагменты, содержащие конкретные данные, не отягощенные молитвенно-обрядовыми оболочками. Выделенные таким образом эпитеты, посвященные персонажам Ригведы, а также важные сопроводительные атрибуты, заносятся в рабочие таблицы, представленные в приложении, что значительно облегчает процедуру анализа источника.

Второй подраздел «Разделение божественных персоналий по сферам влияния» посвящен анализу действий ригведийских богинь в пределах выделенных им в пантеоне сфер влияния, поскольку традиционная классификация божеств Ригведы имеет сложную конструкцию и исходит из теизации (обоожествления) природных явлений и ритуальных процессов.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что для Ригведы скорее характерна персонификация определенных идей в облике

богов, а не конкретных природных феноменов или явлений. Физическому, антропоморфному облику не придается особого значения, однако антропоморфный вариант является основным в рамках мифологического моделирования действительности. Другой вариант в этой же системе – бог – животное, т.е. зооморфизм. В гимнах Ригведы можно часто заметить игру формами божества, о чём более подробно будет изложено в следующей главе.

Третья глава дипломной работы носит название «Множественность персонификаций гендерных образов Ригведы». В данной главе приводятся возможные интерпретации и характеристики исследуемых образов, составленные на основе семантико-семиотического анализа рабочего материала.

В конце главы автор делает вывод о том, что образы животных в культуре и сознании человека принимают вид определенного архетипа, который связывает эмоциональные и инстинктивные стороны жизни, заставляющие людей задуматься о собственной животности. Однако, зооморфизм в культуре также был отражением противоречий отношения между человеком и зверем. Иными словами, происходила единовременная «антропологизация» природных существ и «зооморфизация» человека, а животное становилось одной из форм проявления чего-то непознанного, к пониманию и подчинению которой стремился человек, как в мире природы, так и в собственной сущности. Более того, важной чертой зооморфных образов является полисемантизм – способность таить в себе самые разные культурные смыслы. Причем, чаще всего данные смыслы объединяются и воспринимаются человеческим сознанием в совокупности.

Заключение

В эпоху зарождения первобытнородовых отношений, когда участие мужчины в продолжении рода ставилось под сомнение, появление иного, не женского, божественного начала было невозможно. Всеобъемлющая природная сила плодородия, разлитая в мире, умножающая стада диких животных и съедобные растения, прямо экстраполировалась первобытным

сознанием на прародительниц дуальноэзогамных человеческих социумов. Именно эта идея позже была перенесена на образы повелительниц природы и покровительниц ранних земледельцев в неолитических и энеолитических культурах Месопотамии, Восточного Средиземноморья, Средней Азии. Они сохранили те запоминающиеся формы, символизирующие плодovitость. Однако, примерно с конца III тысячелетия до н.э. была нарушена монополия женского направления в развитии мифологемы.

Историю забвения женщины открывает период неолита, когда мужчина вышел на первый план, и произошло крушение матрифеноменной эпохи, не подпадающей ни в какой степени под определение «матриархата» – управляемого женщинами примитивного социально-экономического строя. Это была социально и биологически обусловленная материнским феноменом функциональная система, ставшая питательной средой всех человеческих культур, на каком бы континенте и в какую бы эпоху они не возникли, это особая социобиологическая система, в рамках которой происходило становление человеческой культуры. Инверсия древней идеи сохранялась очень долго, образы богинь были весьма устойчивыми в пантеонах многих древних обществ.

Неолитическая революция стала первотолчком, в результате которого сквозь хтонический гул предыдущих времён прорвались никому неизвестные эскадры будущих цивилизаций. В преддверии прихода героической эпохи, произошла трансформация женских божеств, вытеснение их мужскими. Возникают завуалированные в химерических образах персонажи, под которыми скрываются мужские сущности. Химерический период в рамках развития мифологемы был краток. Он должен рассматриваться как буферный, переходный этап в развитии идеологии. Это явление родственно тотемизму и вообще любой зоолатрии, но в контексте становления теистических форм эта общеисторическая универсалия возникала именно как временная, необходимая, но преходящая категория. Именно поэтому в данной работе большое внимание было уделено множественности персонификаций

персонажей Ригведы, которые содержат большое количество зооморфных воплощений божеств. Эпоха божественных химер заканчивается с окончательным утверждением патриархального принципа в развитии общества. Но химерические образы, в особенности полизооморфные варианты, еще долго господствуют в искусстве Старого Света. Наиболее выражена эта тенденция была в металлической пластике степной Евразии.

Идея мужского божества исторически соответствует позднеродовому патриархальному обществу, ранним деспотиям и более поздним государственным образованиям. Как элементы идеологии, боги, сопровождающие великих богинь, появляются в очень ранние эпохи, например, древнеегипетский Геб (земля) при главенствующей Нут (небо). Практически повсеместно в Старом Свете эта двучастная промежуточная форма предшествовала развитым трехчастным моделям мироздания. Позже между ними появляется третий персонаж (бог воздуха Шу), разделяющий небо и землю, схема становится трехчастной.

Степные номадические культуры, наиболее передовые в начале новой эры, привнесли патриархальную мифологию в среду лесных племён Волго-Камья, где она заметно трансформировалась, обрастая новыми деталями.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в какой-то момент повсюду первозданная культура, созданная богиней-матерью, была грубо нарушена воинствующей цивилизацией богов-героев. Небом, землёй, подземным царством стали править мужские боги, в то время как идеологическая подсистема матрифеноменной эпохи опиралась на мифо-магическую и обрядово-ритуальную практику почитания и обожествления матери-прародительницы. Ее фетишизированный образ стал гносеологической формулой и опорой узнавания мира и человека в нем, и вывела мировое сознание на орбиту перворелигий. Исходя из этого, можно предположить, что не вера в духов породила бога, а мать-прародительница стала божественным духом в своей семье и в своём роде. Её обожествление можно считать фактом прамонотеизма, которого теоретики религии не

обнаружили до сих пор. Осознав свою мать и образ женщины как первореальность, человек, пройдя через муки познания, увидел в них и божественное начало.

Апробация. Основные положения и результаты исследования были заслушаны и обсуждены на 5 научных конференциях, ключевые положения работы нашли свое отражение в 6 научных публикациях.

Конференции:

1. LXIII Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Новый век: человек, общество, история глазами молодых», посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной Войне (22 – 31.10.2020), доклад на тему *«Реминисценции раннеродовых отношений в традиционном фольклоре южных славян»*, Саратов, СГУ.

2. LXIV Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Новый век: человек, общество, история глазами молодых», посвященная 60-летию первого полёта человека в космос (15 – 20.10.2021), доклад на тему *«Родаси и Сатаней-Гуаша. О раннеродовых реминисценциях в Ригведе и Нартском эпосе»*, Саратов, СГУ.

3. XVI Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы», приуроченная к 85-летию со дня рождения выдающегося советского и украинского археолога Станислава Никифоровича Братченко (1936–2011 гг.), а также к 100-летию со дня рождения талантливого советского историка, этнографа и педагога Юрия Венедиктовича Кнышенко (1921–1990 гг.) (25–27.10.2021), доклад *«О множественности персонификаций гендерных образов Ригvedы»*, Ростов-на-Дону, ЮФУ.

4. Международная научная конференция «Кавказ и Причерноморье с эпохи древности до позднего Средневековья в свете новых данных археологии и истории», посвященная 80-летию со дня рождения выдающегося ученого-кавказоведа, государственного и общественного деятеля Ю.Н. Воронова (19–

20.10.2021), доклад «О некоторых раннеродовых реминисценциях в гимнах Ригведы и Нартском эпосе», Сухум, АНА, АБИГИ им. Д.И. Гулиа.

5. Всероссийская LIV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (с международным участием) (01–03.02.2022), доклад «Зоолатрические персонификации Марутов в гимнах Ригведы», Астрахань, АГУ.

Публикации:

1. *Гладилина, А. А.* Маруты: от земных воинов – к ведическому божеству // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных / отв. ред. Э.В. Камалеев. – Уфа: ИЭИ УФИЦ РАН, 2020. – С. 32–38.

2. *Гладилина, А.А.* Реминисценции раннеродовых отношений в традиционном фольклоре южных славян // Новый век: человек, общество, история глазами молодых: Межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов. Вып. 19 / под ред. А.В. Баранова. – Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2020. – С. 298–308.

3. *Гладилина, А.А.* Родаси и Сатаней-Гуаша. О раннеродовых реминисценциях в Ригведе и Нартском эпосе // Новый век: человек, общество, история глазами молодых: Межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов. Вып. 20 / под ред. А.В. Баранова. – Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2021. – С. 21–26.

4. *Гладилина, А.А.* Зоолатрические персонификации Марутов в гимнах Ригведы // по материалам LIV Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2022. – С. 87–89.

5. *Лопатин, В.А., Гладилина, А.А.* Маруты – воины: «...те, что возросли, как земные существа» // Уфимский археологический вестник. – Уфа: Институт

истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, 2021. – С.129–144.

6. *Гладилина, А.А.* О множественности персонификаций гендерных образов Ригvedы // по материалам XVI Международной археологической конференции студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». – Ростов-на-Дону – Таганрог, Южный федеральный университет, 2021. – С.201-205.